

УДК 82

Карданова Н.Б.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

**ГРАМОТА О ГРАФЕ БОЦИСЕ КАК ПРИМЕР
ПЕТРОВСКОЙ ГРАМОТЫ-ХОДАТАЙСТВА**

N. Kardanova

A. Gorky Institute of World Literature

**THE CHARTER CONCERNING COUNT BOTSIS AS AN EXAMPLE
OF A PETITION IN THE REIGN OF PETER THE GREAT**

Аннотация. Между Россией и Венецией на рубеже 17-18 вв. велась активная дипломатическая переписка. Одной из разновидностей царских грамот, посылавшихся за рубеж, была грамота-ходатайство. Статья посвящена анализу грамоты о графе Боцисе, являющейся ярким примером царского ходатайства. Грамота о Боцисе сохраняет специфику типичного ходатайства, она написана нейтральным стилем, значительная часть лексики традиционна для царского послания, однако в ней появляются элементы нового речевого этикета, что указывает на формирование нового стиля ходатайства.

Ключевые слова: Россия, Венеция, дипломатическая переписка, грамота, ходатайство, стиль, речевой этикет.

Abstract. At the turn of the 17th century Russia and the Venetian Republic carried on an active diplomatic correspondence. One of the charter types, sent abroad, was a petition. The article is dedicated to the analysis of the charter concerning Count Botsis. The given charter is a striking example of a Tsar's petition. It has a specific character of a typical petition, its style is neutral, the most part of its vocabulary is traditional for a Tsar's epistle. However, there appear elements of a new communicative etiquette in the charter, that is the creation of a new style of petition.

Key words: Russia, Venice, diplomatic correspondence, charter, petition, style, communicative etiquette.

Россию и Венецию с конца 80-х годов и вплоть до конца XVII века сближало участие в антитурецкой лиге, поэтому между двумя государствами велась активная дипломатическая переписка. Служащими ведомства иностранных дел были выработаны структура и язык царской грамоты, соответствующие, как они полагали, статусу автора, от лица которого был написан документ. В этом языке сформировались различные стилевые регистры: следует отметить хотя бы нейтральный и высокий. Жанрово-стилевая специфика царской грамоты иностранному адресату в значительной мере определялась тем особым этикетом – эпистолярным и речевым, – который сложился в стенах Посольского приказа и за которым стояло представление опытных чиновников о том, как должен звучать для иностранного адресата текст, написанный царём.

Одной из разновидностей царских грамот, посылавшихся за рубеж, была грамота-ходатайство. В правление Петра Первого жанр ходатайства утвердился в дипломатической переписке с Венецией. Уже в 1696 году Пётр обратился к венецианскому дожу с просьбой прислать в Россию корабельных мастеров [2, ст. 1081-184; 3, ст. 198-201; 5, сс. 82-85]. В 1697 царь просил содействовать русским учащимся, которые были посланы им учиться морскому делу [3, ст. 1165-1166], а также ходатайствовал о приёме такого особенного путешественника, как известный русский военачальник и дипломат, Борис Петрович Шереметев [5, сс. 151-152].

© Карданова Н.Б., 2012.

Царские грамоты-ходатайства имеют одну структуру: в основном тексте содержится обоснование ходатайства и собственно ходатайство. Формуляр грамоты содержит начальный заголовок (начальный протокол), в состав которого входят формула адресата, «челобитье» и формула адресанта; основная часть и концовка (конечный протокол) [1, с. 22]. Коммуникативная направленность той или иной грамоты диктует подбор формул – законченных высказываний с более или менее фиксированным лексико-синтаксическим оформлением [1, с. 109]. Обязательными для данного жанра являются собственно формула-ходатайство и формула ответной услуги со стороны царя по отношению к венецианским подданным.

Примером петровской грамоты-ходатайства может служить грамота о графе Боцисе, морском офицере, который родился в Далмации и около 17 лет служил в венецианском флоте. В 1702 г. Боцис приехал в Россию, но семья его осталась в Венеции. Грамота представляет собой своего рода рекомендательное письмо, поскольку именно заслуги Боциса перед Российским государством побудили Петра ходатайствовать о его родственниках, живших в Венеции. На основании этой грамоты венецианские власти должны были выполнить царскую просьбу и оказать поддержку семье Боциса.

В грамоте о Боцисе находим обоснование ходатайства (ссылка на прошение Боциса к царю о заступничестве перед дожем), ходатайство (царя перед дожем о протекции родственникам Боциса), формулу ответной услуги и постскриптум (ссылка на приложенный к грамоте «мемориял» Боциса). Отметим, что постскриптум был обнаружен нами только в данной грамоте Петра в Венецию.

Боцис представлен в грамоте как «пребывающей в службе нашей в морском флоте шоутбейнахт от галер господин контий Боцис» [6, сс. 11-12]. За военным званием (заимствованное «шоутбейнахт» с указанием типа кораблей: «шоутбейнахт от галер») следует графский титул (заимствованное из фран-

цузского и/или итальянского «контий» с русским окончанием -ий) и фамилия (Боцис), без имени. Происхождение Боциса (греческие корни и Далмация) и его венецианское подданство не упоминаются. Нахождение на службе в России указано при помощи лексемы деловой письменности «пребывающей», где служба – лично царю («в службе нашей»), род войск указан при помощи заимствованной лексемы «флот» («в морском флоте»).

Впервые в царских грамотах в Венецию мы находим лексему «господин» по отношению к лицу нижестоящему. Это новое значение – вежливое обозначение человека определенного социального положения – предполагается складывающимся речевым этикетом. Отметим, что в письмах Петра к сотрудникам лексема «господин» для обозначения третьего лица (в обращении сначала используется голландское *Min Her*, в дальнейшем появляется русское «господин») начинает употребляться довольно рано, в конце 90-х годов семнадцатого века. Так, в письме к А.А. Виниюсу от 1 февраля 1698 года читаем: «Писма твои, писанные декабря 17 и 24, мне отданы генваря в 28 день, также и статья через господина Плещеева отдан жь» [5, с. 237].

О родных Боциса, находящихся на территории Светлейшей республики, сказано как о «ныне обретающихся во владениях ваших» [6, сс. 11-12]. Семья Боциса – при передаче смысла его прошения – обозначена при помощи заимствованной из лексемы «фамилия», родственники – исконно русской «сродники» («о фамилии своей и сродников»). В следующем далее придаточном предложении находим указательное местоимение «оных» («дабы оных изволили вы иметь в милостивом своём призрении»).

Грамота не содержит подробного пересказа тех документов, которые поступили на имя Петра от Боциса. «Прошение» офицера, обращённое к царю, передано в самых общих словах («всеподданнейше нас просил к вашей светлости и всей светлейшей речи посполитой Венецыйской о заступлении на-

шем о фамилии своей и сродников, ныне обретающихся во владениях ваших, дабы оных изволили вы иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство» [6, сс. 11-12]); о ходатайстве Боциса перед дожем упомянуто (прилагаемый «мемориал»; не говорится также, на каком языке он был написан).

Обоснование ходатайства (введено союзом «Понеже») и ходатайство (союз «чего ради») связаны причинно-следственной связью: из ссылки на прошение Боциса следует ходатайство Петра перед дожем. Использование этих двух союзов в дальнейшем будет характерно для Петровских грамот.

О том, что Боцис обратился к царю с ходатайством о заступничестве перед дожем, сообщено при помощи клише «всеподданнейше нас просил» [6, сс. 11-12]. Социальная асимметрия (от нижестоящего к вышестоящему) выражена здесь новым для царской грамоты способом: ранее в этих случаях использовались речевые средства, связанные с языковым и культурным концептом челобитья [4, ст. 918-925].

Предмет ходатайства указан при помощи отглагольного существительного «заступление» – в словосочетании «о заступлении нашем о фамилии своей и сродников, ныне обретающихся во владениях ваших» [6, сс. 11-12]. Так в глагольно-именной конструкции («просил о заступлении») резюмирована суть ходатайства, изложенного далее в придаточном предложении («дабы оных изволили вы иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство» [6, сс. 11-12]). Данное придаточное предложение может быть рассмотрено и как изъяснительное, и как целевое: протекция родственникам Боциса – предмет прошения Боциса и одновременно конечная цель его обращения к Петру.

Передавая смысл прошения Боциса, составители грамоты дали лексико-грамматическую конструкцию, где «лексема «изволили» сочетается с инфинитивом желаемого действия («иметь»): «дабы оных изволили

вы иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство». Эта конструкция характерна для делового языка и речевого этикета.

Ожидаемое от дожа отношение к родственникам Боциса – протекция в целом («оных изволили вы иметь в милостивом своем призрении») и оказание содействия в отдельных делах («в требованиях их показывати им доволство»). Лексема высокого стиля «призрение» с её духовно-этической коннотацией, данная в сочетании с прилагательным «милостивый» (производным от «милость»), предполагает особенную заботу о семье офицера.

С точки зрения синтаксиса ходатайство Петра перед дожем представляет собой сложное предложение, где в главном предложении находим новое для царской грамоты словосочетание «дружески просим» («чего ради вашу светлость и светлейшую речь посполитую дружески просим» [6, сс. 11-12]), предполагаемое новым речевым этикетом. Ранее царская просьба к дожу выражалась при помощи глагола волеизъявления «желаемъ». По-видимому, в представлении составителей царской грамоты это позволяло не уронить статус её автора, вынужденного обращаться с просьбой.

В придаточном предложении, введённом союзом *дабы*, находим ожидаемые от дожа действия: «дабы ваша светлость, ради искони текущей нашей с прежними светлейшими князи и с светлейшею речью посполитою и ныне неотменной с вами дружбы, в том его прошении, по нашему заступлению, упомянутой фамилии ево и сродникам в требованиях их, для нашего царского величества, доволство учинить благоволили». Пётр ждёт, что венецианские власти, удовлетворив прошение Боциса, окажут протекцию его семье: словосочетание «доволство учинить» одновременно относится и к ходатайству Боциса («в том его прошении ... доволство учинить») и к его родственникам («упомянутой фамилии ево и сродникам в требованиях их» ... «доволство учинить»). Клише «в требованиях их ...

доволство учинить благоволили», которое может быть рассмотрено как синонимичное процитированному выше прошению Боциса, обращённому к царю («в требованиях их показывати им доволство»). Так, заменив глагол «показывати» глаголом «учинить», составитель грамоты повторил прошение Боцис в собственно царском ходатайстве.

Ожидаемые от дожа действия представлены в конструкции, которую образуют лексема «благоволили» и инфинитив глагола желаемого действия («доволство учинить благоволили»). Данная конструкция может быть рассмотрена как синонимичная рассмотренной выше (с лексемой «изволили»), но принадлежащая к более высокому стилистическому регистру. Для нового речевого этикета лексема «благоволили» указывает на то, что со стороны дожа оказывается особая любезность по отношению к царю.

В царском ходатайстве использованы некоторые речевые средства, назначение которых – убедить адресата в необходимости прислушаться к царской просьбе.

К их числу в первую очередь должна быть отнесена ссылка на дипломатические отношения между двумя государствами («ради искони текущей нашей с прежними светлейшими князи и с светлейшею речью посполитою и ныне неотменной с вами дружбы» [6, сс. 11-12]), предваряющая описание ожидаемых от дожа действий. В грамоте о Боцисе, однако, находим иную предложную конструкцию – с предлогом «ради», указывающим на особенную важность ожидаемой услуги для говорящего. Отношения между Россией и Венецией представлены при помощи специальной лексики «дружба», которая лишена эмоциональных коннотатов и весьма точно описывает отношения между двумя государствами. В грамоте о Боцисе «дружба» охарактеризована более подробно: «искони текущей нашей с прежними светлейшими князи и с светлейшею речью посполитою и ныне неотменной с вами» [6, сс. 11-12]. Указан давний характер дружбы и актуальность её к моменту написания грамоты («и ныне

неотменной с вами»), упомянуты предшественники дожа («искони текущей нашей с прежними светлейшими князи и с светлейшею речью посполитою»).

Кроме того, автор грамоты о Боцисе подчёркивает, что речь идёт о личном его заступничестве («по нашему заступлению») и что ожидаемая от дожа услуга – это услуга лично ему, Петру («для нашего царского величества»). Это новый для царской грамоты-ходатайства приём, который допускает складывающийся речевой этикет и который не оставляет у адресата никаких сомнений в том, насколько важно выполнение просьбы Петра.

Завершает основной текст грамоты формула ответной услуги («за что с нашей стороны прошениям светлости вашей в таковых же случаях удовольствие чинить обещаемся» [6, сс. 11-12]). По сравнению с более ранними грамотами эта формула претерпела ряд изменений. Она представляет собой обещание со стороны Петра (в качестве предиката использован глагол «обещаемся»). Адресат ответной услуги – лично дож («прошениям светлости вашей»). Обещаемая Петром услуга – «прошениям светлости вашей удовольствие чинить». Поскольку лексема «взаимно» в грамоте о Боцисе опущена (ранее она использовалась регулярно), её значение компенсировано в словосочетании «в таковых же случаях». В грамоте о Боцисе ответный характер царских действий подчёркивает словосочетание «с нашей стороны», то есть лично со стороны царя. Акцент, таким образом, сделан на личном обмене услугами двух лиц, одно из которых (автор царской грамоты) зависит от другого, и личном царском обещании, что свидетельствует о том, насколько важно для Петра выполнение его ходатайства. Новый речевой этикет допускает использование соответствующих лексических средств.

Новый для царской грамоты постскриптум (лат. *post scriptum*) введён, в соответствии с западно-европейской традицией, при помощи латинских букв P. S.: P. S. «Како-

во требование одного господина контя до вашей светлости предложено, о том его мемориал, по всеподданнейшему его прошению, приложить повелели есмы» [6, сс. 11-12].

Следует сказать, что документ, к тому же написанный другим лицом, прилагался к царской грамоте в Венецию впервые. То, что сегодня представляется нам обычной формальностью, могло быть ново для канцелярской практики того времени. Ранее к царской грамоте обычно прилагался перевод (на латинский, реже на итальянский), о чём в грамоте, разумеется, не сообщалось (оформлялся перевод самым простым образом, на другой бумаге и без декоративных украшений). Теперь же к парадно (следует думать) оформленной царской грамоте прилагалось ходатайство иностранного морского офицера, и царь специально сообщал дожу, что происходит это по высочайшему распоряжению («о том его мемориал, по всеподданнейшему его прошению, приложить повелели есмы») и для того, чтобы венецианские власти могли точно понять, о чём именно просит их Боцис («Каково требование одного господина контя до вашей светлости предложено» [6, сс. 11-12]).

Появление постскриптума вполне может быть объяснено причинами практического характера: о том, что мемориал следует приложить и/или о том, что об этом следует сообщить, составителям грамоты стало известно достаточно поздно, когда грамота в целом была закончена. Однако речь может идти и о сознательном выборе: существовавший формуляр грамоты не предполагал ссылки на прилагаемый документ, поэтому сообщение о приложении мемориала было вынесено за его рамки и обозначено латинскими буквами. Знакомая венецианскому адресату эпистолярная традиция использовать постскриптум (известная, как видим, и в России, по крайней мере, в ведомстве иностранных дел) никак не могла скомпрометировать царское послание.

О царском распоряжении приложить мемориал сообщено при помощи глагола «повелеть» в форме перфекта («приложить повелели есмы» [6, сс. 11-12]). Так записка Боциса, о которой распорядился сам государь, приобретает в глазах адресата особый вес: она непременно должна быть прочитана и принята во внимание.

Подведём некоторые итоги. В Петровской грамоте о графе Боцисе сохраняется специфика царской грамоты-ходатайства как дипломатического документа, его коммуникативная направленность. Этот текст призван оказать содействие лицу, службой заслужившему царское ходатайство. меняется представление о том, каким может быть язык царской грамоты. Грамота по-прежнему написана по большей части нейтральным стилем, значительная часть лексики весьма традиционна для царского послания, но речевой этикет, новый для документа данного жанра, требует появления новых речевых средств. Взаимоотношения автора царской грамоты и её адресата регулируются новыми правилами. Постепенно формируется новый стиль, что позволяет говорить о постепенном изменении стилистической и, в конечном счете, жанровой специфики царской грамоты-ходатайства как специального текста.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилистические средства. – Л., 1974. – С. 22
2. Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. – Т. VII, СПб., 1864.
3. Памятники дипломатических сношений – Древней России с державами иностранными. – СПб. 1867, том VIII.
4. Памятники дипломатических сношений. – СПб., 1871. – Том X.
5. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб., 1887. Т. I.
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. – СПб., 1907. Т. V.